Methods of historical research
Методология исторического исследования

DOI 10.31162/2618-9569-2019-12-2-364-372
УДК 930

Original Paper
Оригинальная статья

Роль коммуникации в религиозной метаморфозе инаковости: исторический аспект

А. К. Аликберов
Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2894-2767, e-mail: alikberov@mail.ru

Резюме: статья посвящена религиозной коммуникации и ее роли в метаморфозе инаковости. Речь идет о том, как религия, будучи социальным институтом, использовала принципы социального (искусственного) родства, имитирующего принципы биологического родства, превращая чужаков в своих единоверцев. Наряду с другими типами коммуникации – по общественному, политическому, этническому, экономическому, правовому, культурному и другим принципам – выделение религиозной коммуникации в качестве самостоятельного объекта изучения является одной из особенностей системно-коммуникационного подхода в исторической науке, который относится к числу формирующихся. Другая его особенность – использование кросс-культурного метода, требующего обращения к семантически эквивалентным или схожим явлениям в разных культурах и традициях.

Ключевые слова: искусственное родство; клиентелизм; маула; патронаж; покровительство и заступничество в исламе; религиозная коммуникация; системно-коммуникационный подход

Для цитирования: Аликберов А. К. Роль коммуникации в религиозной метаморфозе инаковости: исторический аспект. *Minbar. Islamic Studies.* 2019;12(2):364–372. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-364-372.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

А. К. Аликберов, 2019

Changing values of the category "Other" in religious spheres. A phenomenon of communication as seen from historical prospective

A. K. Alikberov
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2894-2767, e-mail: alikberov@mail.ru

Abstract: the article deals with the phenomenon of communication in religious spheres and its role in the changing and transformation of the category of the "other". It is about how religion, as a social institution, used the principles of social (artificial) kinship by imitating the principles of biological kinship and thus turned the "alien" people into co-religionists. Singling out the religious communication as an independent issue (along with other types of communication, such as social, political, ethnic, economic, legal, cultural, etc.) is one of the components of the recently introduced system-communication approach to the study of history. Another aspect of this approach is the use of a "cross-cultural method". Among its working principles this method has a reference to semantically equivalent (or similar) phenomena, which occur in different cultures and traditions.

Keywords: clientelism; communication, religious; Islam, patronage and intercession in; kinship, artificial; *maula;* system-communication approach .

For citation: Alikberov A. K. Changing values of the category "Other" in religious spheres. A phenome-non of communication as seen from historical prospective. *Minbar. Islamic Studies.* 2019;12 (2):364–372. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-364-372.

Введение

Исследователи религии указывают на то, что догматические религии взяли за основу деление народов на цивилизованных и варваров и сакрализовали такое деление, эксклюзивистски обозначив цивилизованными только «Своих» и противопоставив их всем «Иным» [1, p. 45–46]. Спустившись на индивидуальный уровень социальных процессов, Марсель Гоше предлагает переосмыслить первоначальную структурную связь между *одним* (*Ego*) и *многими* (другими – *Alter*) в сфере религиозной коммуникации. По мнению исследователя, такая связь обеспечивает транзит религиозных представлений от иллюзии к истине, а также метаморфозу инаковости (*the category "Other", otherness*) [2, p. 46], когда «Чужие» становятся «Своими». Категория «Чужой» индивидуализирует человека, а общая идентичность и одинаковость (*sameness*) создает основу для объединения людей. Динамика трансцендентности объясняет не только последовательное распространение идеи Бога и ее утверждение в общественном сознании, но также духовную и идеологическую трансформацию личности [2, p. 47].

Для раскрытия темы особое значение имеет дистинкция (*различение*) типов коммуникационных взаимодействий в их историческом измерении. В противоположность Никласу Луману, мы отличаем религиозную коммуникацию от общественной, политической и этнической, выделяя ее из ряда прочих в исследовательских целях. При этом надо признать, что вне религиозной практики религиозная коммуникация редко выражается в своих «чистых формах», она обычно выступает вместе с другими формами социальной коммуникации. В системно-коммуникационном анализе религиозная коммуникация существует не сама по себе, а в совокупности с другими формами коммуникации: она рассматривается как часть единого целого, т.е. социальной коммуникации как таковой.

Системно-коммуникационный аналитический метод исходит из многомерности истории и человека. Речь идет об измерениях (*dimentions*) истории и личности, определяющих идентичность человека. Эти измерения можно также изучать в качестве отдельных аспектов истории – общественного, политического, экономического, этнического, религиозного, культурного и т.д. Чем больше у *Ego* совпадающих с «Другим» *Ego* идентичностей, тем больше он для него «Свой». Поэтому системно-коммуникационный подход различает не только формы коммуникации, но и создаваемые в коммуникационной интеракции идентичности, которые и делают человека многомерным. Для удобства анализа выделим четыре типа идентичности: общественный (частью какого общества и сообщества, в том числе гендерного, социального/сословного, профессионального, *Ego* себя ощущает), политический (к какому политическому спектру или идеологии *Ego* себя относит), этнический (семейные и родственные связи, этническое происхождение), наконец, религиозная идентичность, в том числе в рамках соотношения религиозный/нерелигиозный.

Макс Вебер, в свое время предложивший историко-философскую «понимающую социологию» в качестве новой методологии социальных наук [3], показал, как соотносятся друг с другом общество и хозяйство [4, с. 70–146], этика и религия [5, с. 60–272]. Интересную попытку осмысления роли религии в общественной трансформации, основываясь на материалах средневековой истории, в том числе хазарской и исламской, предпринял Арнольд Тойнби. Выбранный им метод исследования позволил ему перекинуть мостик от прошлого в современную ему действительность и даже будущее западной цивилизации [6]. В системной теории религии Н. Лумана реальный смысл социальных действий основан на физическом восприятии жизни, которое отражается в сознании, но этот смысл также является частью последовательности, требующей понимания и осознания его другим. Как раз этот процесс и определяется коммуникацией [7, с. 145–146]. Вот почему важно включение системы личности в систему религии на основе коммуникации между единственным Я (*Ego*) и множеством Других (*Alter*), и «Своих», и «Чужих» – без этого понять механизмы формирования тех или иных идей в сознании конкретного *Ego* невозможно.

 ISSN 2618-9569

Принципы искусственного родства

Религиозная метаморфоза инаковости, основанная на использовании принципов социального (искусственного) родства, указывает на мощный трансформационный потенциал религии. Эти принципы апеллировали к принципам биологического родства, которые применяются к трансцендентному Создателю и Творцу. В религиозной, по крайней мере – монотеистической, системе биологический отец выступает лишь как инструмент в руках у Отца Небесного, Который обуславливает порядок всех вещей материального мира. Бог выступает в качестве единственного Источника всего сущего, в том числе человеческой жизни и человеческих поступков. В руках у Отца Небесного – не только рождение, но и смерть, а также вечная жизнь человека в потустороннем мире. Соответственно отношения искусственного родства, возникающие в религиозных сообществах, определяются принципами биологического родства.

Идея божественного покровительства, присущая догматическим религиям, обнаруживает генетическую связь с практиками покровительства и заступничества на семейном, родовом и племенном уровнях, прежде всего – институтами патронажа и клиентелизма. Кросс-культурный анализ социальных практик патронажа и клиентелизма в разных культурах показывает, что механизмы религиозной метаморфозы инаковости во многом универсальны, но имеют свои особенности. Так, в иудаизме Бог является покровителем народа Израиля. Христианство заимствовало из древнеримской практики не только идею патронажа религиозных общин, но и индивидуального покровительства отдельных верующих. Ю. Е. Арнаутова отмечает, что «с XII в. оформляется специализация святых, которые стали считаться покровителями не только определенных местностей, но и определенных занятий и ситуаций, в которых обращение к святому-патрону давало наибольший эффект. По самым грубым подсчетам, примерно половина всего пантеона европейских святых покровительствовала страдающим определенными болезнями. Возрастание страха перед смертью в высокое средневековье вызвало к жизни также 24 патроната, призванных “защитить от смерти”» [8, с. 158].

Особого внимания заслуживают формы искусственного родства семейного типа, такие как побратимство и сестринство, которые нашли свое отражение в идее религиозного братства и сестринства. Христианство в значительной степени использует отношения внебиологического родства, создавая новые типы религиозных связей и отношений: крестный отец, крестная мать, крестный сын (крестник), крестная дочь (крестница), кум, кума, крестный дед, крестный брат, крестовый брат (брат по кресту, брат названый, побратим церковный нарочный или случайный), брат по обету и др. Побратимство народное наречное по обету представляет собой религиозный институт искусственного родства. Церковное побратимство может быть освящаемым, по молитве, по Евангелию, по клятве, а также случайным, например, в случае крещения

в одной и той же воде. Традиционное купание в купели считается практическим обрядом, призванным поддержать дух единства и братства среди верующих.

Братья по вере по определению становились «Своими» – не только в христианстве, но и в исламе, в котором братьями признаются не только священнослужители или те, кто отрешился от мирского, а все верующие, поклоняющиеся Аллаху: «Поистине, верующие – братья» (Коран 49:10). Обращение верующих друг к другу как к «брату» принято во всех мусульманских культурах (араб. *ахи* – букв. «мой брат» и др.). Исключительно важное значение этому обращению придается в отдельных школах и течениях, имеющих ярко выраженные черты этноконфессиональных групп, а также профессиональных объединений, основанных на религии (сообщества *ахи*-шейхов), или в религиозных общинах закрытого типа, таких, например, как *джама'ат*ы. Термин «братство» зафиксирован и в названиях исламских движений и партий (например, *ал-Ихван ал-муслимун* – «Братья-мусульмане»).

Для регламентации отношений братства разрабатывались уставы монастырей в христианстве, правила взаимоотношений суфийских братств в исламе. Нечто похожее имеет место и в немонотеистических религиозных системах, там, где формируются закрытые религиозные общины монастырского типа.

Клиентелизм и патронаж

Реконцептуализация понятия новообращения, т.е. смены человеком своей религии, позволяет выявить реальные причины сложного и драматического процесса, в результате которого одни религии стремительно расширяли сферу своего влияния, а другие, гораздо более древние, напротив – теряли свои позиции в общественном сознании. На основе материалов древней истории народов Средиземноморья З. Крук пришел к выводу о том, что люди добровольно переходили в лоно новой религии, поскольку получали вместе с ней гораздо более надежную систему защиты – и экономической, и политической, и духовной, по сравнению с той, которой они обладали прежде [9]. Выводы исследования в полной мере применимы и по отношению к истории ислама на Ближнем и Среднем Востоке, Восточном Кавказе, в Мавераннахре и Северной Африке, где процессы исламизации шли рука об руку с арабскими завоеваниями. И в христианской, и в исламской культуре религия в полной мере использовала обе формы патронажа – и человеческого, и божественного [9, p. 67–77]. В свою очередь, в каждой из них можно выделить свои особые формы покровительства: индивидуального и коллективного, родо-племенного и общинного, политического и культурного и т.д.

Э. Кросби описывает политику папского и епископского патронажа в Англии и Нормандии в 1066–1216 гг. [10]. Даже спустя полвека после Нормандского завоевания 17 епископатов Англии и 7 Нормандии были практически независимы от короля, при этом в своих округах епископы выступали в качестве ключевых фигур, сконцентрировавших в своих руках и светскую,

 ISSN 2618-9569

и духовную власть [10, p. 1]. Хотя формально король получал инвеституру от Папы, епископы считались королевскими, а не папскими, при этом они обеспечивали компромиссное, насколько это возможно, разделение политической власти и влияния между королем, Папой и аристократическими семейными кланами. Практики патронажа были гораздо тоньше и изощреннее, чем представляется в простых и линейных описаниях, они могли перекрестно перекрывать друг друга или, напротив, вступать друг с другом в жесткую конфронтацию, требовавшую однозначного выбора.

В исламе идея покровительства связана с традиционной практикой арабских племен, когда более могущественный род (или племя) покровительствовал более слабому, который на определенных условиях становился его «клиентом». Древняя практика арабского клиентелизма сохранялась и в первые века мусульманского летосчисления, когда термином *мавали* обозначалось, как правило, неарабское племя, принявшее ислам и на этом основании оказавшееся под покровительством арабского племени. *Маула*ми называли также и бывших рабов-вольноотпущенников, и освободивших их хозяев (*маула ал-итака*).

Ислам использовал дихотомию «хозяин – раб» для обозначения отношений Бога и человека, так как она была очень понятной в средневековом арабском обществе. В Коране слово *маула* применяется к Аллаху в значении Господь, Хозяин, Помощник, Покровитель. Идея божественного покровительства встречается в Коране многократно: «...знайте, что Аллах ваш покровитель. Прекрасный это покровитель и прекрасный помощник» [11, 8:40]. Согласно Корану [11, 39:44], «Аллаху принадлежит заступничество целиком. Ему принадлежит власть над небесами и землей, и к Нему вы будете возвращены». Поэтому считается, что заступничество пророка Мухаммада, ангелов, праведников и святых за людей перед Аллахом возможно только с позволения Всевышнего. Соответственно, высшим источником милости и сострадания является только Бог.

На примере Восточного Кавказа мы можем наблюдать за противоречиями и многозначностью института *мавали*. «Та'рих ал-Баб» Маммуса ал-Лакзи[1] сообщает, что Хашимиды, династия правителей Баб ал-абваба, правившая еще со времен арабского завоевания вплоть до 1075 г., получили свое имя от арабского племени хашими, клиентом которого было племя, откуда происходил Сурака б. 'Амр, родоначальник династии [13, p. 2664]. В декабре 1075 г. Дербент захватил Сау-Тегин, *гулам* Сельджукидов [14, § 46]. *Гулам* – это практически то же самое, что и *маула*, но с совершенно определенным социальным статусом. Сау Тегин назначил правителем от своего имени местного *ра'иса ар-ру'аса'* ал-Муфарриджа, он и его потомки, как мы можем судить на основе информации «Райхан ал-хака'ик» Абу Бакра ад-Дарбанди (ум. в 539/1145 г.), удовлетворяются титулом «правитель» (*аз-за'им*) вместо *ал-амир* [15, с. 224]. Но далее происходит интересное: в протографе «Дарбанд-нама», который

[1] Авторство этой хроники было установлено в исследовании: [12, с. 119–121].

В. В. Бартольд атрибутировал как проаглабидский источник известного сочинения Мумаммада ал-Акташи [16, с. 469–480], Аглабиды названы арабским племенем, а не *мавали* арабского племени Аглаби, хотя они совершенно определенно имели гораздо меньше оснований претендовать на власть в Дербенте, чем Хашимиды.

Заключение

Как показывает факторный анализ, не только религия оказывает значительное влияние на трансформацию общества, особенно на определенных этапах его исторического развития, но и другие факторы. Поэтому, чтобы не преувеличивать роль религиозной коммуникации в ущерб другим формам коммуникации, необходимо исследовать механизмы формирования общественных, политических, этнических, национальных, религиозных и других социальных образований, в которых не менее важную роль играют институты искусственного родства. Эти биологические по форме, апеллирующие к кровному родству или отцовской опеке (патронажу), но социальные по содержанию институты действуют во всех аспектах социальности, а также на различных уровнях социальной солидарности, начиная с семейной и заканчивая гражданской. Институт гражданства, в частности, тоже можно рассматривать как своего рода инструмент превращения «Иных» в «Своих», но только в общественно-политическом аспекте истории и на определенных этапах исторического развития. Так, получение полноценного гражданства в исламском государстве, например в Саудовской Аравии, подразумевает обязательное принятие ислама.

Литература

1. Fitzgerald T. *Discourse on Civility and Barbarity*. Oxford: Oxford University Press; 2007.

2. Gauchet M. *The Disenchantment of the World: A Political History of Religion.* Princeton, NJ: Princeton University Press; 1999.

3. Weber M. *The Methodology of the Social Science*. Glencoe, Il: TheFreePress; 1949.

4. Вебер М. Основные социологические понятия («Хозяйство и общество», гл. 1) [1921]. В: Баньковская С. П. (ред.). *Теоретическая социология. Антология.* М.: Университет; 2002. Ч. 1. С. 70–146.

5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализм. В: Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс; 1990. С. 60–272.

6. Тойнби А. Дж. *Цивилизация перед судом истории*. М.: Прогресс; СПб.: Культура; 1996.

7. Луман Н. *Социальные системы. Очерк общей теории.* СПб.: Наука; 2007.

8. Арнаутова Ю. Е. Чудесные исцеления святыми и «народная религиозность» в средние века. В: Бессмертный Ю. Л. (ред.) *Одиссей. Человек в истории*. М.: Наука; 1995. С. 151–169.

9. Crook Z. A. *Reconceptualising Conversion: Patronage, Loyalty, and Conversion in the Religions of the Ancient Mediterranean.* Berlin; New York: Walter de Gruyter; 2004.

10. Crosby E. U. *The King's Bishops: The Politics of Patronage in England and Normandy, 1066–1216*. N. Y.: PalgraveMacmillan; 2013.

11. Крачковский И. Ю. (пер.), Беляев В. И. (ред.). *Коран*. М.: Восточная литература; 1963.

12. Аликберов А. К. Об авторе исторической хроники XI в. «Та'рих Баб ал-абвабва-Ширван». В: Исаев А. А. (сост.), Шихсаидов А. Р. (ред.) Рукописная и печатная книга в Дагестане. Махачкала: ИИЯЛ; 1991. С. 119–121.

13. Goeje M. J. de (ed.). *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari*. Leiden: E. J. Brill; 1879. Vol. 1.

14. Минорский В. Ф. *История Ширвана и Дербенда X–XI веков*. Баку: Элм; 1963.

15. Аликберов А. К. *Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII вв.)*. М.: Восточная литература; 2003.

16. Бартольд В. В. К вопросу о происхождении Дербенд-наме. В: Бартольд В. В. *Сочинения*. М.: ГРВЛ; 1973. Т. 8. С. 469–480.

References

1. Fitzgerald T. *Discourse on Civility and Barbarity*. Oxford: Oxford University Press; 2007.

2. Gauchet M. *The Disenchantment of the World: A Political History of Religion*. Princeton, NJ: Princeton University Press; 1999.

3. Weber M. *The Methodology of the Social Science*. Glencoe, Il: TheFreePress; 1949.

4. Weber M. Basic sociological concepts ("Economy and society, ch. 1) [1921]. In: Bankovskaya S. P. (ed.). *Theoretical sociology. Anthology*. Moscow: Universitet; 2002. Part. 1, pp. 70–146. (In Russ.)

5. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. In: Weber M. *Selected Works*. Moscow: Progress; 1990. Pp. 60–272. (In Russ.)

6. Toynbee A. J. *Civilization before the court of history*. Moscow: Progress; St Petersburg: Kultura; 1996. (In Russ.)

7. Luhmann N. *Soziale systeme. Grundriss einer allgemeinen theorie*. Frankfurt: Suhrkamp; 1984.

8. Arnautova Yu. E. Miraculous healings by saints and "folk religiosity" in the Middle Ages. In: Bessmertnyi Yu. L. (ed.) *Odysseus. Man in history*. Moscow: Nauka; 1995. Pp. 151–169. (In Russ.)

9. Crook Z. A. *Reconceptualising Conversion: Patronage, Loyalty, and Conversion in the Religions of the Ancient Mediterranean*. Berlin; New York: Walter de Gruyter; 2004.

10. Crosby E. U. *The King's Bishops: The Politics of Patronage in England and Normandy, 1066–1216*. N. Y.: PalgraveMacmillan; 2013.

11. Krachkovskii I. Yu. (transl.), Belyaev V. I. (ed.). *The Qur'an*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1963. (In Russ.)

12. Alikberov A. K. About the author of the historical chronicle of the XI century "Ta'rikh Bab al-Abvabva-Shirvan". In: Isaev A. A., Shikhsaidov A. R. (eds) *Handwritten and printed book culture in Dagestan*. Makhachkala: Institute of History, Language and Literature; 1991. Pp. 119–121. (In Russ.)

13. Goeje M. J. de (ed.). *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari*. Leiden: E. J. Brill; 1879. Vol. 1.

14. Minorskii V. F. *History of Shirvan and Derbend in the 10th – 11th centuries.* Baku: Elm; 1963. (In Russ.)

15. Alikberov A. K. *The Epoch of Classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and his Sufi encyclopaedia "Rayhan al-haq'ik" (11th–12th centuries)*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2003. (In Russ.)

16. Barthold W. W. On the question of the origin of Derbend-name. In: Barthold W. W. *Writings.* Moscow: GRVL; 1973. Vol. 8, pp. 469–480. (In Russ.)

Информация об авторе

Аликберов Аликбер Калабекович, кандидат исторических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Alikber K. Alikberov, Ph. D (Hist.), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 февраля 2019 г.
Одобрена рецензентами: 15 апреля 2019 г.
Принята к публикации: 1 мая 2019 г.

Article info

Received: February 12, 2018
Reviewed: April 15, 2019
Accepted: May 1, 2019

ISSN 2618-9569